

УДК 811. 401: 410

Ф.С. Бацевич

**МЕЖДУ ЧЕННЕЛИНГОМ, ПУБЛИЦИСТИКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫМ
НАРРАТИВОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИОСОФСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДАНИИЛА
АНДРЕЕВА «РОЗА МИРА»)**

Ф.С. БАЦЕВИЧ. МІЖ ЧЕННЕЛІНГОМ, ПУБЛІЦИСТИКОЮ І ХУДОЖНІМ НАРАТИВОМ (НА МАТЕРІАЛІ ІСТОРІОСОФСЬКОГО ТВОРУ ДАНИІЛА АНДРЕЄВА «ТРОЯНДА СВІТУ»).

Одна з найактуальніших проблем сучасної лінгвістики тексту – встановлення достатньо повної типології текстів і текстових форм, які обслуговують сучасне інформаційне суспільство. Класифікація низки текстів є досить складною, оскільки вони суміщають ознаки різних текстових форм. До таких текстів, зокрема, належить історіософський твір російського письменника, містика і філософа Даниїла Андрєєва «Троянда Світу». В статті виявляються домінуючі ознаки цього твору як ченнелінг-повідомлення зі значною кількістю мовних і риторико-нарративних „сигналів” утілення художнього і публіцистичного дискурсів.

Ключові слова: текст, тип тексту (текстотип), ченнелінг, дискурс, міждискурсивність, модус, модальність, нарратив.

Ф.С. БАЦЕВИЧ. МЕЖДУ ЧЕННЕЛИНГОМ, ПУБЛИЦИСТИКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫМ НАРРАТИВОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИОСОФСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА «РОЗА МИРА»).

Одна из самых актуальных проблем современной лингвистики текста – установление достаточно полной типологии текстов и текстовых форм, обслуживающих современное информационное общество. Классификация ряда текстов достаточно сложна, поскольку они совмещают признаки разных текстовых форм. К таким текстам, в частности, принадлежит историческое произведение русского писателя, мистика и философа Даниила Андреева «Роза Мира». В статье устанавливаются доминирующие признаки этого произведения как ченнелинг-текста со значительным количеством языковых и риторико-нарративных «сигналов» воплощения художественного и публицистического дискурсов.

Ключевые слова: текст, тип текста (текстотип), ченнелинг, дискурс, междискурсивность, модус, модальность, нарратив.

F.S. BATSEVICH. AMONG CHANNELING, PUBLICISM AND FICTIONAL NARRATIVE (ON THE MATERIAL OF HISTORIOSOPHICAL WORK OF DANIIL ANDREEV “THE ROSE OF THE WORLD”).

One of the most topical problems of modern text linguistics is the ascertainment of rather a full typology of texts and text forms used in modern informational society, the classification of a number of texts is quite complicated as far as they combine the features of different text forms. The historical work “The Rose of the World” by Daniil Andreev, a Russian writer, mystic and philosopher, belongs to this group. The article establishes the domineering features of this work as channeling text with a considerable number of language, rhetoric-narrative “signals” of embodying fictional and publicist discourses.

Key words: text, text type, channeling, discourse, interdiscursiveness, modus, modality, narrative.

В современном информационном пространстве активизировалось значительное количество сообщений (в широком смысле слова), формальная и содержательная структура которых сложно идентифицируется и пребывает на пересечении ряда текстотипов, синтезируя разные

© Ф.С. Бацевич, 2016

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.48876>

текстово-дискурсивные характеристики. Одним из наиболее заметных текстов подобного характера является историсофское произведение известного русского писателя, мыслителя, мистика-визионера (духовидца), страдальца за благородную идею морального усовершенствования человека и мира Даниила Андреева «Роза Мира» [1]¹. По своим жанровым признакам это произведение квалифицируется как роман-эпопея [2, с. 192], признакам тематическим – как теодицея [2, с. 193], философский трактат [1, с. 4], видение планетарного масштаба [8, с. 177], планетарное историсофское произведение [2, с.193]; по формально-содержательным признакам оно объединяет ряд черт ченнелинга, публицистического и художественного текстов [4].

Ченнелинг-тексты – это разного характера информационные сообщения высших небесных сил и космических сущностей, которые опекают людей и человечество в целом. Эти сообщения передаются («транслируются») людям при посредничестве медиумов-ченнелеров, которые пребывают в измененных состояниях сознания. Одними из наиболее распространенных ченнелингов являются тексты под общим названием «Крайон», автор-транслятор которых – известный писатель Ли Керрол [12]; многочисленные творения различных «Командоров Вселенной»; теософские труды Елены Блаватской, в частности «Тайная доктрина», «Развенчанная Изида», «Кармические видения» [5; 6; 7], повесть Ричарда Баха «Чайка Джонатан Левингстон» [3], знаменитые произведения Карлоса Кастанеды под общим названием «Учение дона Хуана» [9] и некоторые другие.

Современные ченнелинг-тексты имеют своими истоками произведения религиозных мистиков, выдающихся духовидцев прошлого: неоплатоников, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Мейстера Экхарта, Эммануила Сведенборга и других; мистические практики ряда религиозных учений христианства (в частности исихазма) и Востока (буддизм, дзен-буддизм, ламаизм, зороастризм, синтоизм); мезоамериканский нагуализм, художественные произведения мистически настроенных писателей (Данте, Гете, Кьеркегор) и др. Одним из важнейших источников современных ченнелингов являются тексты Вед, Библии, Корана, Торы. Актуализация ченнелинг-текстов в XX – начале XXI веков вызвана совокупностью причин, среди которых не последнее место занимает общий скептицизм касательно официальных учений и научных концепций, поиска высших идеалов привычного существования человека и др.

Типология ченнелинг-текстов и дискурсов до настоящего времени не создана; понятно одно: эти тексты достаточно разнообразны, а их содержательный потенциал широк. Наблюдения над функционально-коммуникативной, стилевой и стилистической организацией ряда ченнелинг-текстов позволяет выделить как минимум три их разновидности (текстотипа):

1. Собственно ченнелинги как исключительно информационно-деловые сообщения Высших Космических Сил, многочисленных Командоров Вселенной, передаваемые через ченнелеров в измененных состояниях сознания.
2. Художественные ченнелинги, в которых информация Высших Космических Сил передается ченнелером преимущественно (или исключительно) в художественной форме.
3. Ченнелинги, объединяющие деловое, поучающее сообщение, а также сообщения в художественно-беллетристической и публицистической форме.

К первому типу сообщений тяготеют произведения, объединенные общим названием «Крайон». Вот как в этом произведение Высшая Космическая Сущность по имени Крайон говорит о себе:

Я – Крайон, мастер магнетизма. Моя работа обеспечивает глубокое понимание человеческой биологической психики, поскольку мои магнетические корректировки взаимосвязаны с функционированием вашего сознания в период пребывания на Земле. Кроме того, мне известны ваши прошлые и будущие окна благоприятных возможностей. ... Для вас пришло время осознать значение Земли в вашей жизни [12: 101].

Тексты такого типа сообщений часто транслируются методом так называемого «автоматического письма», то есть, фактически, без участия ментальной деятельности их осмысления самим ченнелером.

Второй тип сообщений воплощается исключительно в художественно-беллетристическую форму со всеми ее признаками: символичностью, образностью, многозначностью языковых элементов и др. Для примера рассмотрим фрагмент из ченнелинг-романа Ри-

¹ В тексте статьи в круглых скобках даются страницы указанного издания.

чарда Баха «Чайка Джонатан Левингстон», когда главный герой одной только силой желания переносится на другую планету:

Джонатан открыл глаза. Они вдвоем со Старейшим стояли на совершенно незнакомом берегу. И рядом с ними не было никого. Деревья подступали к самой кромке воды, а над ними сияли два желтых солнца. <...>.

Джонатан был поражен:

– Где это мы?

На Старейшего смена обстановки, похоже, не произвела ровным счетом никакого впечатления. Он ответил как бы между прочим:

– По всей видимости на какой-то планете, а вместо Солнца – двойная звезда [3: 69-70].

Разновидностью текстов, объединяющих черты ченнелинга, художественного и публицистического изложения, является, безусловно, историческая теодицея Даниила Андреева «Роза Мира». Вот как, например, автор рассказывает о своей первой встрече с Невыразимым в миг внезапного просветления и вхождения в измененное состояние сознания:

Торжественно и бесшумно в поток, струившийся сквозь меня, вливалось все, что было на земле, и все, что могло быть на небе. В блаженстве, едва переносимом для человеческого сердца, я чувствовал так, будто стройные сферы, медлительно вращаясь, плыли во всемирном хороводе, но сквозь меня; и все, что я мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством. Эти древние леса и прозрачные реки, люди, спящие у костров, ... утренние города и шумные улицы, храмы со священными изображениями, моря, неустанно покачивающиеся, и степи с колышущейся травой – действительно все было во мне той ночью, и я был во всем (с. 112).

Имея в виду неизученность специфики языка и функционально-коммуникативной организации ченнелинг-текстов, в частности, текстов третьего типа, ниже рассмотрим некоторые функционально-коммуникативные особенности «Розы Мира» Д. Андреева, связанные с ее содержательными характеристиками, модусами восприятия автором мира², модальным их воплощением в тексте, а также обратим внимание на специфику текстовой концептуализации³.

Содержательная часть анализируемого произведения достаточно заметно членится на: (1) размышления автора по поводу политического, экономического, культурного, духовного состояния современного ему (30-50-е годы XX века) мира, тех потенциальных угроз, которые ожидаются в этом несбалансированном и опасном мире; (2) ментально-духовные путешествия иными мирами под руководством Высших Космических Сил и (3) осмысление содержания полученного в этих путешествиях перцептивного и духовного опыта и его значения для каждого человека и человечества в целом. Автор замечает, что во время шести основных видений в период с 1921 по 1949 годы он пережил три важные стадии магического перехода: (1) озарение, которое длилось минуты или часы, (2) созерцание, длившееся недели и месяцы и (3) осмысление, которое растягивалось во времени на годы. Указанные части произведения визионера-мыслителя имеют свои модусные и модальные особенности текстового воплощения. Сам Д. Андреев замечает, что важнейшую миссию своей жизни – поделиться собственным опытом видения и переживания исторических и метаисторических процессов и перспектив – он старался «воплощать в формах словесного искусства, в художественной прозе и поэзии» [1, с. 7-8], однако грандиозный замысел, который им движет при написании этой книги, требует от него также обращения к иным формам воплощения [1, с. 8].

В той части произведения, где автор пишет о современном ему состоянии общества, необходимости создания «Лиги превращения сущности государств» как первого этапа формирования Федерации государств и этической инстанции над ними и, соответственно, воплощения Розы Мира, достаточно четко проявляется модус восприятия изображаемого как «потенциального реального»:

...никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасностей грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных:

² Понятие текстового «модуса» рассматриваем вслед за Ш.Балли как ментально-языковой способ представления изображаемого события, см.: [10, с. 122]. См. также: [13, с. 24-25].

³ Отдельные черты ченнелинг-текстов рассмотрены в работах: [4; 14].

с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании (с. 6).

В этих частях произведения доминирует модальность необходимости, долженствования, выражаемая с использованием слов *нужно, необходимо, важно, обязательно, надлежит, неизбежно*, а также разнообразных типов высказываний с семантикой обязательности и необходимости. Несколько примеров из разных частей «Розы Мира»:

... над деятельностью государств насущно необходим этический контроль... (с. 10); ... духовный контроль обязателен... (с. 12); ... успехи Лиги должны достигаться не ценой отступления от ее нравственного кодекса, а именно вследствие верности ему (с.15); ... весь период между возникновением Розы Мира и ее приходом к этическому контролю над государственной властью надлежит рассматривать как подготовительный (с. 714); В дальнейшем ... неизбежны перемены во многих статьях... (с. 716).

В этих частях произведения автор предстает моралистом, человеком, способным объяснить состояние общества и аргументировать необходимость его кардинальной политической и морально-духовной перестройки. Эти объяснения и аргументы не только логические; они в значительной мере эмоционально-поэтические, а местами и эмоционально-публицистические в духе дискуссий того времени:

О, конечно найдется немало людей, которые станут утверждать, будто методика Лиги – непрактична и нереальна. Ах уж мне эти поборники политического реализма! Нет безнравственности, нет социальной гнусности, которая не прикрывалась бы этим жалким фиговым листком. Нет груза более мертвенного, более приземляющего, чем толки о политическом реализме как противовесе всему вдохновенному, всему духовному (с. 16).

Описывая пережитое и осмысленное во время духовно-ментальных путешествий иными мирами, автор, фактически, выполняет функцию ченнелера, т.е. личности, накопившей нужное количество духовной энергии и проникшей в иные миры; личности, осмыслившей эти миры под руководством высшего духовного наставника и рассказавшей о них рядовому читателю-землянину. В этих частях текста автор выполняет коммуникативную функцию свидетеля-рассказчика, а их миры предстают в модусе «ирреальной реальности» по отношению к «этому» миру. Однако сущность этих миров закрыта от «обыкновенных» людей особой «завесой», поскольку они не имеют достаточного опыта для их осмысления; тут необходим специальный мистический (или, по Кастанеде, энергетический) опыт вхождения в специальные измененные состояния сознания, которые позволяют человеку проникнуть за эту «завесу». Реалии этих миров объясняются ченнелеру высшими духовными сущностями с той полнотой и адекватностью, которую позволяют ментальные возможности современных людей, а также, что очень важно, изобразительный (прежде всего номинативный) потенциал живых идеоэтнических языков. Как часто говаривал дон Хуан своему ученику Карлосу Кастанеде, «наш язык – всего лишь несовершенный способ говорить о невыразимом» [9, т. 5, с. 324]. Соображения относительно несовершенства изобразительных возможностей живых естественных языков – фактически, универсалия ченнелинг-текстов, а также текстов мистического и эзотерического характера. В частности, автор «Розы Мира» отмечает:

Пытаясь выразить словами переживания, подобные этому [имеющие место в иных мирах. – Ф.Б.], видишь отчетливее, чем когда бы то ни было, нищету языка. Сколько раз пытался я средствами поэзии и художественной прозы передать другим то, что совершилось со мною. И знаю, что любая моя попытка, в том числе и вот эта, никогда не даст понять другому человеку ни истинного значения этого события моей жизни, ни масштабов его, ни глубины (с. 112-113).

Основываясь на модусе «ирреальной-реальности», Д. Андреев так описывает общение с высшими сущностями иных миров:

Видел ли я их во время этих встреч? Разговаривали ли они со мной? Да. Слышал ли я их слова? И да, и нет. Я слышал, но не физическим слухом. Как будто они говорили откуда-то из глубины моего сердца. Многие слова их, особенно новые для меня названия различных слоев Шаданакара и иерархий, я повторял перед ними, стараясь наиболее близко передать их звуками физической речи, и спрашивал: правильно ли? ... Многие из этих нездешних слов, произнесенных великими братьями, сопровождалось явлениями световыми, но это не был физический свет ...Иногда это были уже совсем не слова в нашем смысле, а как бы целые аккорды фоне-

тических созвучий и значений. Такие слова перенести на наш язык было нельзя совсем, приходилось брать из всех значений – одно, из всех согласованно звучащих слогов – один. Но беседы заключались не в отдельных словах, а в вопросах и ответах, в целых фразах, выражавших весьма сложные идеи. ... Скорее даже это были не фразы, а чистые мысли, передававшиеся мне непосредственно, помимо слов (с. 99).

Миры ченнелинг-текстов населены специфическими сущностями, наполнены объектами, не имеющими аналогов в привычной жизни. В силу того, что о них каким-то образом необходимо говорить, последние должны быть словесно означены; с этой целью высшие духовные сущности помогают ченнелеру найти необходимые звуковые комплексы. Отсюда наличие значительного количества «странных» слов (собственных и общих имен, предикатов), употребление привычных слов в неузуальных контекстах и т.п. Вот некоторые названия сущностей и объектов в «Розе Мира»: *агга, брамфатура, Аримойя, Шаданакар, затомис, уицраор, стихиаль, Сальватерра, егегор, Жругр* и многие другие. Эта специфика ченнелинг-текстов некоторыми исследователями не учитывается, даже представляется как склонность Д. Андреева к сектантству и схоластике [11]. Нам значительно ближе мысль тех исследователей, которые считают, что миры Д. Андреева были для него не менее реальными, чем привычный всем нам мир, а поэтому употребляемые им необычные слова и имена «не воспринимаются как насилие над языком, они живут, дышат, и сознание принимает их» [8, с. 178]. Модус восприятия адресатом ченнелинг-сообщений покоится на вере; при этом собственно текстовая модальность максимально объективирована: нереальное (точнее, космически-мистическое) с позиций «этого» мира в них представлено как реальное, однако не для всех, а только для избранных, «медиумов-нарраторов», передающих воспринятое ими знание другим, «не избранным», «обыкновенным» людям. Иными словами, познание мира, изображенного в ченнелинг-тексте, – когнитивно-эмоциональное; истолкование этого мира – «перевод» для ченнелера высших духовных сущностей средствами человеческого языка. Язык же, при помощи которого общаются сущности иных миров, отличается от человеческого. Фрагмент текста, где говорится о специфике общения сущностей иных миров:

В каждом затомисе господствует преобразенный язык соответствующей страны Энрофа, здесь это не только звуко-, но и светоязык. ... Общий язык затомисов принято называть языком Синклита Мира ... знает такие формы общения, какие не имеют ничего общего с какими бы то ни было звуковыми языками (с. 163).

В тех частях текста, где автор размышляет над увиденным и пережитым во время духовных путешествий иными мирами, он предстает пораженным наблюдателем, свидетелем «ирреальной реальности», человеком, стремящимся осмыслить пережитое и в максимально понятной и концентрированной форме донести это заинтересованному читателю:

Я видел множество существ в их вдвойне – и втройне – просветленных обликах: они явились сюда из белых высоких слоев, движимые чувством сорадования. Чувство сорадования свойственно просветленным в несравненно большей мере и силе, чем нам; каждая душа, достигшая Файра, порождает это ликующее чувство у миллионов тех, кто миновал его ранее. Как передать состояние, охватившее меня, когда я увидел сонмы просветленных, ликующих от того, что я, ничтожный я, достиг этого мира? – Не благодарность, не радостное смущение, даже не потрясение, – скорее оно было похоже на то блаженное волнение, когда смертные в Энрофе предаются неудержимым и беззвучным слезам (с. 155).

В тексте «Розы Мира» наблюдаются особенности концептуализации изображенных в нем миров: это, прежде всего, духовная концептуализация с элементами фидеистического и эстетического представления мира.

Как и в религиозной картине мира важнейшими концептами ченнелинг-текста являются Любовь, Вера, Надежда, Добро, Душа, Просветление, Духовность, Спасение, Праведность и некоторые другие. Однако их семантико-прагматическое наполнение иное, поскольку связано не столько с традиционно-христианским осмыслением этих понятий, сколько с осмыслением метафизическим и мифологически-мистическим.

В ченнелинг-текстах заметно активизируются особенные концепты, связанные с трансформацией внутреннего мира человека, астральными путешествиями души и некоторые другие. Не случайно и то, что ряд ченнелинг-текстов включает специальные толковые словари употребленных в них слов; это имеет место и в тексте «Розы Мира». В «Кратком словаре имен,

терминов и названий, часто встречающихся в тексте», автор дает объяснение 54 понятиям: в частности, тут встречаем слова-концепты *арунгвильта-прана*, *брамфатура*, *Воглеа*, *гаввах*, *Эвента-Свентана*, *стихиаль*, *Лиллит* и другие лексические новообразования. Исследование подобных концептов – перспективная проблема прежде всего этого типа текстов.

Таким образом, тексты, обладающие рядом признаков ченнелинг-сообщений, могут существенно отличаться внутри этого типа информационных потоков, что позволяет говорить об их междискурсивном характере. Достаточно часто они объединяют признаки ченнелинга, философского и/или публицистического трактата, фантастического рассказа, видения, художественного романа и некоторых других. Однако несмотря на то, что подобные тексты могут быть написаны беллетризованным языком, насыщены яркими образами, они достаточно заметно отличаются от художественных текстов рядом коммуникативных признаков: модусами восприятия мира и модальностями их представления, моделями адресанта и адресата, текстовой ретроспекцией и проспекцией, содержательными аспектами, насыщенными неповторными коммуникативными смыслами, риторическими, стилистическими средствами и приемами. И если лингвистическая традиция анализа художественных текстов имеет значительную историю, традиции, направления, школы, методы, методики и приемы анализа, то исследование ченнелинг-текстов только начинается. Здесь, на наш взгляд, филологов ожидают интересные открытия, поскольку эти тексты связаны с проблемой «говорения о невыразимом», а сама процедура лингвистического анализа предусматривает «вторжение» в сферу подсознания, в таинственный мир измененных состояний сознания неординарных мыслителей-визионеров, художников слова, в частности таких, как Даниил Андреев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Д. Роза Мира. – М.: Эксмо, 2008. – 800 с.
2. Андреева А, Чуков Б. Необходимые пояснения // Новый мир. – 1989. – № 2. – С. 192 - 194.
3. Бах Р. Чайка Джонатан Ливингстон, М.: Эксмо, 2009 – 121 с.
4. Бацевич Ф.С. Художній текст VS ченнелінг-текст: виявлення мовленнєво-жанрової специфіки // Лінгвістичні дослідження. Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. – Вип. 27. – Харків, 2009, с. 103-111.
5. Блаватская Е.П. Кармические видения. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 537 с.
6. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т. 1. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2008. – 880 с.; Т.2. – 944 с.; Т.3 – 752 с.
7. Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Т.1. – М.: Эксмо, 2008. – 832 с.; Т.2 – 832 с.
8. Джимбинов С. Русский Сведенборг // Новый мир. – 1989. – № 2, с. 177 – 179.
9. Кастанеда К. Учение дона Хуана: В 11-ти т. – К.: София, 1992-1999.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
11. Кураев А. Как относиться к «Розе Мира» // <http://dl.biblion.realin.rutext/13DiakonAndrejKuraev/Rozamira.doc>.
12. Кэрролл Ли. Крайон. Последние времена. – М.: ООО Издательский дом «София», 2006. – 176 с.
13. Ніка О. Модус у староукраїнській літературній мові другої половини XVI – першої половини XVII ст., К.: Київський нац. ун-т ім. Т.Г.Шевченка, 2009. – 444 с.
14. Петрик Т. Модель каналу комунікації у ченнелінг-дискурсі // Людина. Комп'ютер. Комунікація: Збірник наукових праць. / За ред. Ф. Бацевича. – Львів: Вид-во Національного університету „Львівська політехніка”, 2008. – С. 82-83.

(Статья поступила в редакцию 23 января 2016 г.)